

свободы; изжитости узко личных устремлений – утверждения идеала самоотвержения. В собрании «тематических», казалось бы, скромных стихов Поэт воплотил философско-эстетические обобщения редкого бытийного мастерства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мандельштам О.Э. Слово и культура. – М., 1927.
2. Бахтин М.М. Содержание, материалы и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
3. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М., 1993.
4. Ахматова А.А. Собрание сочинений в двух томах. Том 1. – М., 1990.

УДК 821.512.157-14.07

Ефремова Е.М.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

ТИПЫ ЛИРИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В ПОЭЗИИ Л.А. ПОПОВА *

Аннотация. Рассматривается поэзия народного поэта Якутии Л.А. Попова (1919-1990). С целью раскрытия идейно-художественного содержания, своеобразия лирики поэта выявляется определенная типология лирических субъектов. Результат исследования позволяет говорить о полисубъектности лирической поэзии Л. Попова, которая служит воплощением единства личности, лирического «я» – поэта, совмещающего типологически разные виды субъектных модификаций.

Ключевые слова: поэзия Л.А. Попова, лирический субъект, субъект сознания, субъект речи, повествователь, лирическое «я», лирический герой.

E. Efremova

TYPES OF LYRIC SUBJECTS IN L.A. POPOV'S LYRICS

Abstract. The article considers the poetry of L. Popov, national poet of Yakutia. In order to disclose the content of ideas and art, and the peculiarity, in the poet's lyrics, the author establishes a certain typology of lyric subjects. As a result of the research, one may say that L. Popov's lyrics is poly-subjective. It serves the embodiment of the fact that the person, the lyric ego (poet who combines the typologically different kinds of subject modifications) are united.

Key words: L. Popov's poetry, lyric subject, subject of consciousness, subject of language, narrator, lyric ego, lyric character.

Творчество народного поэта Якутии Леонида Андреевича Попова, справедливо счита-

ющееся самобытным явлением якутской литературы середины XX в., внесло значительный вклад в становление и развитие литературного процесса, в формирование поэтической культуры, содержательной, образно-тематической, жанровой системы поэзии в целом. При всей многогранности литературной работы (прозаик, драматург, переводчик) Л. Попов прежде всего поэт-лирик. Широкому кругу читателей имя поэта стало известно в 1940-е гг., однако публикации относятся к 1937 г., когда на страницах газет «Будь готов», «Молодой большевик» выходят первые стихотворения. В 1943 г. выходит первый сборник стихов и поэм «Жду дней встречи» [1]. В последующие годы издаются стихи, поэмы, очерки, рассказы, повести и романы, получившие широкую известность. В творческом активе Л. Попова около сорока книг, где представлены самые разные по форме и по пафосу стихотворные произведения: образцы гражданской, медитативной, интимной лирики.

Лирика поэта получила высокую оценку на российском уровне: его стихотворения переводили известные русские поэты, среди которых была и великая А.А. Ахматова, обратившаяся к произведениям Л. Попова в начале его творческого пути, когда у поэта только начал формироваться собственный стиль, голос. Цикл стихов Л. Попова в ее переводах был опубликован в 1952 г. в журнале «Дружба народов», а в 1953 г. все эти стихи вошли в сборник «Утро над Ленной» [2]. Вероятно, будет справедливым утверждение, что сам факт перевода А. Ахматовой стихотворений якутского поэта свидетельствует о высоком

* © Ефремова Е.М.

художественном уровне и уникальности его поэтических произведений. Однако в активе трудов якутского литературоведения нет концептуального исследования, где разностороннему анализу подвергались бы особенности его лирических образов, в частности, проблема типизации лирического субъекта.

Лирическая поэзия Л. Попова характеризуется множественностью, вариативностью субъектных форм. И поэтому для понимания творчества поэта как целостной эстетической системы целесообразно проанализировать систему форм выражения авторского сознания, воспринимаемых как типология лирических субъектов. Материализация авторского сознания, имеющего свою субъектную форму, происходит как в сфере чисто грамматической, так и на уровне структурного взаимодействия элементов текста. Отметим, что в рамках настоящей статьи не рассматриваются особенности раскрытия и функционирования форм лирического героя и героя ролевой лирики Л. Попова. Специфика данных типов лирического субъекта предполагает наиболее широкий ракурс исследования, намечающий рассмотрение их в качестве отдельного вопроса.

Во многих ранних стихотворениях Л. Попова, посвященных военной тематике, в качестве структурообразующего начала выступает авторский голос, выражаемый формой *безличного повествователя* («Будь яростен в бою», «В родном аласе» и др.). Наблюдается также использование поэтом субъектных конструкций: «безличный повествователь + “чужой голос”»:

*Возвратился домой солдат,
В доме радость, волнение...
Он сказал своей жене,
Ребенку очень тихо:
– Где гостиницы? – не говорите,
На ценную вещь не упуйте.
Не измеримое ничем
Счастье – гостиницы мои,
Радость – подарок мой!*

(«Гостиницы», дословный перевод с якутского наш. – Е.Е.)

Стихотворение служит ярким примером мастерства поэта, способного передать сложную гамму чувств человека в лаконичной и простой, на первый взгляд, форме. Значительная роль при этом отводится субъектной организации стихотворения. Так, коммуникативная сфера текста обнаруживает наличие нескольких речевых ситуаций:

голос автора-повествователя (первое четверостишие), ролевого героя – солдата (с 5 по 9 строки), а также интенцию голосов жены и ребенка солдата (прямая речь в 5-й строке). Сложная субъектная организация, в частности использование поэтом конструкции «безличный повествователь + “чужой голос”», является продуктивным методом усиления эффекта психологизма, что обеспечивает достижение наиболее рациональной передачи идеи, основной мысли стихотворения.

Форма безличного повествователя встречается также в стихотворениях, где раздумья поэта связаны в основном с философским осмыслением вопросов нравственности («В жилище предков вещи, разбирая...», «О полезных людях...», «Мужество в сердце своём потеряешь...», «Не найдёшь...» и др.). В стихотворениях раскрываются определенные «жизненные истины», выраженные в форме нравоучения, обращения с поучительным и воспитательным подтекстом. Мысли о том, что делает человека человеком, становятся идейно-тематическими ориентирами для раскрытия общей темы – раздумий о социально-нравственных критериях человеческой жизни. Например:

*Недостатки друзей
Ты постоянно перечисляешь,
Их в обмане и уловках
Разоблачаешь.
Но у кого друзья – мошенники,
Тот и сам один из них!*

(«Недостатки друзей...», дословный перевод с якутского наш. – Е.Е.)

Отличительная черта произведений данного типа – иллюзия отсутствия раздвоения на автора и героя. Выражение С.Н. Бройтмана «автор растворяется в своем создании как Бог в творении» [3, с. 314] полностью определяет специфику субъектной организации подобных произведений. Не индивидуализированный субъект речи позволяет рассматривать основные компоненты лирической ситуации как предельно обобщенные. Неизвестность, поглощаемость голоса в пространстве создают особую специфику стихотворений, способствуя восприятию на бессознательном уровне голоса повествователя как «голоса нравственности». Это обуславливает эффективную передачу внутренней философии изъясляемых мыслей, усиливая воздействие произведений на читателя.

В целом, форма безличного повествователя в лирике Л. Попова используется при

выражении переживаний абстрактного, но наиболее глубокого, философского характера. Благодаря данному типу, поэту удается легко и свободно реализовывать пространственные перемещения внутри текста, легко переходить от одного времени к другому. Сфера внимания субъекта, сосредоточенная на более широком охвате явлений действительности, свидетельствует о разноаспектном диапазоне угла зрения, раскрываемого в системе лирических образов.

В отличие от безличного повествователя, форма *лирического повествователя*, встречающаяся в основном в стихотворениях, яркой особенностью которых является установка на «объектность», но где в то же время ощутимо проявляется присутствие субъекта высказывания, становится «субъектом-в-себе» (термин С.Н. Бройтмана), т.е. самостоятельным образом («Лето», «Осенний вечер», «Вечерняя Лена», «Ночь» и др.). Это можно обусловить несколькими причинами:

1) стремлением поэта выразить свою точку зрения, мнение, пожелание по поводу изображенного в тексте;

2) непосредственным выражением того, что автор находится в одном пространственно-временном континууме с объектом изображения;

3) желанием выразить общность, причастность субъекта высказывания к изображаемой действительности.

Четко отличается от вышерассмотренных типов безличного и лирического повествователя, форма *лирического «я»*, которая имеет грамматически выраженное лицо и присутствует в тексте как «я», которому принадлежит речь («Моя струна», «В твой день рождения», «Учительнице», «Жаворонок» и др.). Отметим, что употребление данного термина в нашей работе несет двойственную функцию, поэтому во избежание терминологической путаницы уточняем понятие следующим образом: термин «лирическое «я»» употребляется при обозначении одного из типов лирического субъекта; также для обозначения любой формы воплощения образа человека в лирике в целом. Форма лирического «я» в лирике поэта встречается в основном в текстах, где их идейно-тематическое содержание не отличается особой завуалированностью идеи, в зону сознания лирического «я» попадают в основном образы конкретных предметов или образы реальных людей, современников поэта. Данный тип лирического субъекта чаще всего используется поэтом при

выражении наиболее непринужденных, сиюминутных переживаний и ощущений.

В качестве другого типа лирического субъекта в лирике поэта выделяется форма, объединяющая признаки двух предыдущих: «*повествователь + лирическое «я»*» («Рыбаки», «Тойбохой», «Легенда о разрушенном доме» и др.). Подобная субъектная конструкция представляется целесообразной для характеристики формы выражения авторского сознания в лирических текстах Л. Попова, которая осуществляется посредством повествовательного выражения системы мыслей, оформляемых от лица грамматически выраженного «я». В отличие от лирического «я», субъектная конструкция «повествователь + лирическое «я»» сосредоточена на изображении более широкого ракурса действительности, что в структуре стиха подчеркивается предпочтением длинного стиха. В этой связи строка в стихе обычно длиннее, чем там, где в качестве субъекта сознания выступает лирическое «я».

Следующую группу в лирике поэта образуют стихотворения, субъектная сфера которых представлена обобщенно-личным сознанием: *лирическим «мы»* («Душа народа», «Наше поколение», «Завтрашнее» и др.). Данный тип лирического субъекта встречается в основном в лирике первого и второго периодов (1938-1955 гг. / 1962-1968 гг.) и чаще всего в стихотворениях, тема которых посвящается воспеванию советской действительности.

Таким образом, в зависимости от характера излагаемых мыслей, переживаний Л. Попов варьирует субъекты сознания и речи, меняет позиции лирического «я», создавая тем самым типологически разные виды лирического субъекта. Каждый тип лирического субъекта выступает в качестве своеобразной «призмы», способствующей наиболее рациональной передаче лирических переживаний, чувств того или иного характера. Характерное варьирование субъектных форм позволяет говорить о полисубъектности лирики Л. Попова, которая служит воплощением единства личности, лирического «я», совмещающего в себе типологически разные виды субъектных модификаций – *безличного повествователя* («Гостинцы», «Недостатки друзей...» и др.), *лирического повествователя* («Вечерняя Лена», «Ночь» и др.), *лирического «я»* («Учительнице», «Жаворонок» и др.), *повествователя + лирического «я»* («Рыбаки», «Тойбохой» и др.), *лирического*

«мы» («Наше поколение», «Коммунизм» и др.).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Попов Л.А. Жду дней встречи. Стихи-песни (на яку. яз). – Якутск, 1943. – 60 с.
2. Попов Л.А. Утро над Леной. Стихи и поэмы. – М.-Якутск, 1953. – 160 с.
3. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л.В. Чернец. 2-е изд. Перераб. и доп. – М., 2006. – 680 с.

УДК 821 161

Карасева Э.Л.

Московский государственный колледж
информационных технологий

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»*

Аннотация. В статье прослеживаются православные мотивы в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», определяющие его идейно-художественное своеобразие. Евангельские реминисценции, обращение к Божественной силе способствуют выявлению трагического начала в произведении и составляют одну из специфических сторон его поэтики: особенности сюжета, авторскую интонацию, автобиографическое начало, ценностную ориентацию героев, образ природы.

Ключевые слова: автор, произведение, традиция, трагедия, мотив, духовный.

E. Karaseva

ORTHODOX MOTIVES IN A BOOK
BY V. ASTAFIEV'S NOVEL "CURSED AND
KILLED"

Abstract. Orthodox motives determining ideological and artistic peculiarities of "Cursed and killed" by V. Astafiev could be found in the article. Evangelical motives found in reminiscences and appeals to God help to reveal tragic bases of the book as well as form the author's poetic manner peculiarities that is plot and composition features, images of nature, author's intonation as well as his autobiographical principles and character value orientation.

Key words: author, work, tradition, tragedy, motive, spiritual.

Известно, что вся русская литература представляет собой непрекращающийся процесс богоискания, стремление к духовному прозрению. Путь человека к Богу сокрыт

от посторонних глаз, и у каждого он свой. Довольно трудно, а подчас невозможно художникам в полной мере отразить духовную жизнь человеческой души.

Вера как добровольный акт признания Божественной воли во многом определяет слагаемые такого сложного процесса, как мироощущение. В.П. Астафьев не был верующим в том традиционном понимании, которое вкладывают в него последователи христианского учения. Совесть, любовь, добро положены в основу православной религии; эти же непреходящие ценности и отстаивал писатель в своих книгах. В его романе «Прокляты и убиты» запечатлён целый ряд обращений к Высшей силе. Поэтому возникает необходимость проследить, как религиозно-философские аспекты повлияли на идейную направленность книги.

Несмотря на то что писатель – выходец из народной среды, он не смог преодолеть внутреннего разлада на пути обретения веры, многими исследователями отмечалось неоднозначное к ней отношение (см., например, Г. Фаст [1], О.Н. Гайдаш [2], И. Золотусский [3], А. Варламов [4] и др.). Современники В.П. Астафьева утверждали, что писателю «трудно было приобрести глубокий и молитвенный духовный опыт, но всё компенсировалось его честным писательским словом» [1, с. 174].

Судьба художника вобрала в себя историю всей страны. Разрыв между интеллигенцией и церковью, наметившийся ещё на заре XX века и упрочивший свои позиции в советское время, повлиял на мировоззрение прозаика. В историю взаимоотношений ду-

* © Карасева Э.Л.